

СОВРЕМЕННОСТЬ — НА СЦЕНЕ И В ЗАЛЕ

ЧЕЛОВЕК МЫСЛИ И ДЕЙСТВИЯ — ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ СОВЕТСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

Заканчивается театральный сезон, и мысли невольно тянутся к обобщениям: что нового он принес древнему и вместе с тем вечно юному искусству театра?

Это не праздные вопросы. По своим сыновьям я знаю, как трудно их увлечь театральной премьерой, если в этот день на телевизионном экране развешивается очередная футбольная драма, да еще, упаси боже, международного масштаба.

И все же, несмотря на телевизор, кинематограф, музыку в кармане (я имею в виду транзисторы) и многие другие соблазны культуры, которая, будучи оснащена могучей и тонкой техникой, все чаще сама стучится в вашу квартиру, советский театр живет и стоит на ногах прочно. Факты? Пожалуй: 1967 год привлек на 8 миллионов больше театральных зрителей и посетителей концертных залов, чем год предыдущий. Это только на советской земле. А за ее пределами, более чем в 100 странах, советские артисты и музыканты дали свыше 6000 представлений.

В искусстве количество не существует вне качества. Рост притягательной силы театра связан прежде всего с притягательной силой его героев. А 50-летие Советской власти позволяет установить типические черты современника, которые сложились за полвека и сделали правду жизни высокой правдой искусства.

Нет сомнения в том, что герой советской сцены отличается от героя, типичного для лучших сцен Запада, для западной драмы. Я получал огромное удовольствие, наблюдая мастерство Лоренса Оливье, Ралфа Ричардсона, Пегги Эшкрофт, Пола Скофилда, Рафа Валлоне, Лилы Кедровой, Жака Дюби, Жана Луи Барро, Анны Проклемер и других великолепных актеров Англии, Франции и Италии. Я говорю об удовольствии и мастерстве в связи с их работами в современной драме.

Но редко эстетическое наслаждение совпадало с моральным удовлетво-

рением, с чувством гордости за человека, которого я познал, ощутил благодаря искусству сцены. Мастерство актеров приносило радость, а их герои — огорчение. Мастерство служило, как правило, раскрытию страдания, безвыходности, в которые попадал человек, гонимый обществом, теснимый сильными мира сего, — маленький человек большого и чужого ему мира.

Именно такими я запомнил Лоренса Оливье в роли конферансье Арчи Райса («Развлекатель» Джона Осборна) или Ралфа Ричардсона в роли страхового агента Джима Черри («Прцветающий Черри» Роберта Болта). Театральный обозреватель «Санди таймс» Гарольд Хобсон в свое время доказывал мне, что серьезная пьеса в Англии не может не быть пессимистичной. Посмотрев несколько «веселых» салонных комедий или «остросюжетных» детективов в том же Лондоне, я дол-

жен был в общем согласиться с Хобсоном.

Полувековая история дает советскому народу органическое, естественное право на исторический оптимизм. И наша драма, желающая быть жизненной, правдивой, не может не отразить это внутреннее, присущее советскому человеку чувство своей правоты и своей силы. И наоборот, «заданными», лишенными настоящего жизненного нерва оказываются те произведения — и драмы, и сцены, — которые пытаются перенести на советскую почву чахлые и чуждые ей ростки растерянности, неуверенности, пессимизма, утери главной и реальной цели, заставляющей для близоруких тем или иными временными, переходящими коллизиями или настроениями.

Я не могу в короткой статье делать общий обзор развития советской драматургии за последние годы. Поэтому покажу на

нескольких конкретных образах самое существенное, что характеризует рост советского человека, этого «главного продукта», который и породила Октябрьская революция 1917 года.

Советский человек в своих основных чертах и качестве — явление новое, невиданное ранее в истории. Он не чужд ничему земному. Он — создатель всех тех реальных благ, которые несет обществу и личности промышленный и технический прогресс. Но два решающих момента отделяют советского человека от «среднего человека» Запада. Первое — никаких благ одному за счет уменьшения прав и возможностей другого, советскому человеку хорошо, когда хорошо всем его окружающим, чувство единства с обществом, мораль коллективизма — одна из главных нравственных ценностей, реально достигнутых за полвека. Второе — коммунизм

для человека выше элементарной или даже изысканной сытости, коммунизм — это интенсивная духовная жизнь, это жизнь на гребне истории, это — стремление к высочайшим общественным целям, это — жизнь со всеми и ради всех. В этом смысле «общество потребления», которое так рекламируется сейчас на Западе и которое якобы должно положить предел человеческим стремлениям, чуждо и неприемлемо советской человеческой природе, стремящейся к неограниченному прогрессу и всестороннему, гармоничному развитию личности.

Что дает в этом плане советская драма? Какие созданные за последнее время ею образы я считаю наиболее современными и типичными?

Вот профессор Бармин — герой философской драмы Виктора Лаврентьева «Человек и глобус». В его мозгу, в его руках — теория и практика цепной ядерной реакции. Он мыслит широко, он думает о том, что принесет техническая революция человечеству. Зная мощь атома, Бармин представляет себе большую будущность планеты. В это время атомная бомба падает на Хиросиму. Знания и энергия советского ученого теперь направлены на ясную и конкретную цель: противосто-

ять агрессивной американской атомной бомбе советскую, ибо только таким путем можно подержать мир на земле и прогресс человечества. И тут же Бармин направляет усилия своих учеников на раскрытие возможностей мирного атома. В судьбе советского ученого, в его мыслях и исканиях отражаются большие судьбы сотен миллионов людей.

Доктор Устименко в пьесе Юрия Германа «Я отвечаю за все» показан в трудные послевоенные годы, когда страна лежит в развалинах. Устименко — практик. Он восстанавливает больницу, лечит людей, воюет с бюрократией, увлекает областные власти проектами создания образцовых лечебных учреждений. Жизнь выдвигает, однако, неведомые ранее проблемы — как преодолеть последствия лучевой терапии? Устименко проводит опыты на себе и ищет средства, которые несут избавление от страданий людям многих стран.

Киргизский писатель Чингиз Айтматов в своей эпической драме «Материнское поле» вывел двух главных действующих лиц — старую крестьянку Толгонай и землю, которую она обрабатывает. Земля воплощена тоже в женском образе. Между двумя силами — человеком и природой — идет

большая беседа о смысле жизни, о смерти близкого, о далеком от Киргизии фронте войны, о нравственных силах людей, переживающих лишения и тех моральных ценностях, которые они должны передать потомкам.

Из этих примеров видно стремление советской драмы и театра к широкому, историческому масштабу обобщениям, к постановке через театр наиболее жгучих проблем современности. Современник дан в этих пьесах в напряжении своих интеллектуальных и нравственных сил, в стремлении перешагнуть пороги, стоящие на пути к большому будущему.

Человек мысли и действия — таков главный герой советской сцены. Человек высоких нравственных требований и целей. Человек, устремленный всем своим существом к будущему и чуткий ко всем запросам нынешнего дня.

Я говорю о главном, о том, что определяет движение драмы и театра, что внушает надежду на привлечение в театральные залы многих и многих миллионов зрителей. Получая высокое эстетическое наслаждение, они ищут в советском театре ответы на жгучие проблемы современности.

(АПН)

«Московский Комсомолец»
21 июня 1968 г.